

12+

ХАН

От Изгоя До Владыки Мира:
РОЖДЕНИЕ ИМПЕРИИ ИЗ ПРАХА СТЕПЕЙ

МЕДЕТ БАЗИЛ

Медет Базил
Хан. От изгоя до владыки
мира: рождение
империи из праха степей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72480745

ISBN 9785006797338

Аннотация

«Хан» – поэма, погружающая читателя в бурлящий котел Великой Степи, в эпоху становления одной из величайших империй в истории человечества. Она воссоздает документальное описание жизни Чингисхана, его путь от изгоя до «Потрясателя Вселенной». Поэма основана на синтезе источников: от «Сокровенного сказания монголов», до «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина и «Юань ши». Особым маяком стал «Жестокий век» Исая Калашникова, вдохновивший на передачу «пульса того времени, его красоты и трагизма».

Содержание

Предисловие	6
Часть I. Становление	8
Песнь первая:	8
Песнь вторая: похищение невесты	11
Песнь третья:	15
Песнь четвертая: сломанная стрела	17
Песнь пятая:	20
Песнь шестая: невеста и доха	23
Песнь седьмая:	26
Песнь восьмая: два пути	29
Песнь девятая:	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Хан
От изгоя до владыки
мира: рождение
империи из праха степей

Медет Базил

© Медет Базил, 2025

ISBN 978-5-0067-9733-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

#

#

#

#

#

#####

ХАН

ПОЭМА

Предисловие

Позвольте мне перенести вас в **бурлящий котел Великой Степи**, в эпоху, когда кровь смешивалась с песком, а судьбы народов ковались сталью. Эта поэма – не просто набор рифмованных строк, а **амбициозная попытка вдохнуть новую жизнь в документальное описание жизни Чингисхана**, великого потрясателя Вселенной, чье имя до сих пор шепчется ветрами и вплетается в легенды.

Я глубоко погрузился в лабиринты времени, опираясь на **незыблемые столпы истории**: от таинственного и священного для монголов **«Сокровенного сказания монголов»**, шепчущего о его рождении под знаком судьбы, до монументального труда персидского визиря **Рашид ад-Дина «Джами ат-таварих»**, раскрывающего хитросплетения политики и битв. Не обошел стороной и строгие летописи **«Юань ши»**, давшие китайский взгляд на восхождение небожителя.

Особым маяком в моем творческом странствии стал **«Жестокий век» моего любимого писателя Исая Калашникова**. Его способность проникать в самую суть эпохи, его **бескомпромиссная честность** в описании величия и жестокости вдохновили меня не только на скрупулезный сбор фактов, но и на то, чтобы передать **пульс того времени**, его беспощадную красоту и трагизм.

На этих страницах вы найдете историю не только о завоеваниях, но и о **становлении духа**, о цене предательства и вечной силе верности, о том, как из пепла разрозненных племен родилась империя, изменившая карту мира. Надеюсь, эта поэма станет не просто чтением, а **путешествием в сердце того времени**, позволив вам ощутить дыхание истории, и по-новому взглянуть на Человека-Хаос, имя которому – Чингисхан.

Завершая этот долгий и увлекательный путь, хочу выразить **искреннюю благодарность моим друзьям**, чья поддержка и вера были со мной на каждом этапе. Особые слова признательности и **глубочайшей любви я посвящаю моей семье**, которая стала моим надежным тылом, источником вдохновения и тем неизменным очагом, без которого любое великое начинание остается лишь мечтой. Именно вам я и посвящаю эту поэму.

© 2025 Medet Bazil. All rights reserved.

Часть I. Становление

Песнь первая: зов предков

Из джалаиров я, и имя мне Медет,
Чей предок знал огонь его походов,
Хочу сплести из слов забвенью вслед

Поэму, что переживет народы,
И донести сквозь сумрак вековой
Рассказ о днях той огненной свободы,

Зажглась что в небе новой звездой.
То был жестокий и суровый кон,
Где каждый род стоял сам за собой,

И кровной мезтью был скреплен закон.
Но в девяти Божественных заветах
Был знак для всех времен и всех племен,

И в год Быка, в заснеженном совете
Узнал весь мир, что среди степных долин

Родился тот, кто станет всем ответом,

И Есугэй на руки принял... «Сын!!!»,
В руке которого, как знак беды и славы,
Сжимался крови сгусток... он один.

Песнь вторая: похищение невесты

Так начал я свой труд, и песнь вторая
О деяньях пусть предков говорит,
Судьбы клубок для внуков разбирая.

В степи, где зной, ковыль дотла горит,
Скакал батыр, чья воля – сталь клинка,
То Есугэй, что новый мир творит.

Его дорога к славе далека,
Но рядом с ним, как два больших крыла,
Два верных брата – крепкая рука.

И тут судьба им зрелище дала:
На горизонт вдруг тенью тень легла,
И песней свадьбы степь предрешена.

То вез меркит бесценный сердцу груз,
Нойон Чиледу, чей известен сан,
Свершая брачный, радостный союз.

В повозке дева – дивный, стройный стан,
Чей лик был светел, словно свет луны,
И Есугэй, от страсти будто пьян,

Сказал, сердца своих решеньем муча,
«Ее краса – как небом данный сан,
Она не пара для бегущей тучи!»

Так молвил он, и младший брат ответил,
Готовый кровь за прихоть ту пролить:
«Твой зоркий глаз добро себе наметил!

Меркитский трус ее не заслужил!»
Но старший брат был хмур и неприветлив,
И слово горькое в уста вложил:

«Ты бурю, брат, в степи восшевелил,
Нам с их родами враждовать отныне».
Но Есугэй свой пыл не остудил.

Жених Чиледу, мчавшийся в долине,
Уже почуял гибельный разлад
И, честь свою оставив на чужбине,

Понесся прочь, не оглянувшись вспять.
Но та, что им покинута была,
Не стала плакать или проклинять,

А лишь, как степь, достоинство блюла.

Она восстала, ярости полна,
И гордо голову свою несла.

«Возьми!» – кричала мужу вслед она,
С плеча рубаху тонкую срывая, —
«Тебе мой дух, я – року отдана!

Понюхай вещь мою, не забывая,
Какой лишился ты в позоре славы!»
И, эту весть вдогонку посылая,

Она ждала свершения расправы.
Но Есугэй, коня остановив,
Смотрел в ее глаза, где жгли уставы

Не женской слабости, но гордости обрыв.
Он видел в ней не пленницу, но ровню,
Свой дух с ее душою сочленив.

«Он выбрал жизнь, – сказал он хладнокровно, —
А ты со мной разделишь новый век.
Для очага ты создана, бесспорно».

Так начинался яростный побег
Судьбы, что мир повергнет в прах и в стоны,
И так рождался новый человек.

Она воссела с ним под те законы,
Чтоб стать женой по праву, байбише,
Разрушив прежней жизни бастионы.

И он привез к порогу. В шалаше
Ту, что отныне будет с ним повсюду,
С огнем и льдом в загадочной душе.

Песнь третья: хозяйка и наследник

Она, из олхонутов племени, чей край
Отличен был от пастбищ Борджигинов,
Не стала призывать на помощь рай,

Ни лить слезу средь чуждых ей чужбинов,
Но, стиснув дух, как гордая волчица,
Привыкла к стати их степных законов.

И женских сплетен колкая вещица,
И взгляды, что острее ножа бывали,
Не дали гордой той душе сломиться.

Ее вначале недруги встречали,
Но видели, как в юрте год от года
Черты царицы в ней провозглашали.

И Есугэй, глава ее народа,
Увидел не добычу, но жену,
И в ней – залог для своего приплода.

В год Лошади, объятый пламенем,
Судьбы она от Неба дар приняла,

Отмеченный божественным знамением.

В Делиун-Болдок, где средь камней сначала
Берет разбег Онон, река-змея,
Пришла пора, и мать на свет рождала.

Исполнилась заветная статья:
Младенец вышел, в правой сжав ладони,
Сгусток багровый, тайну бытия.

Он был как камень красный на препоне
Судьбы, и Есугэй, чей враг был взят —
Татарский вождь – в недавнем злом полоне,

Сказал: «Пусть будет именем богат
Мой сын, как тот, кого я плел арканом,
Чей дух был крепче воинских наград».

Так Тэмуджин-Угэ был талисманом
Тому, кто станет выше всех имен,
Назвали сына в стане полупьяном,

Не зная, что на гибель обречен
Тот мир, в котором имя вражьей стати
Дают тому, кто будет властью освящен.

Песнь четвертая: сломанная стрела

Минуло девять лет с рожденья сына,
Когда отец, исполнив древний кон,
Сказал: «Настала чести годовщина.

Пора жену найти, таков закон».
И он повез с собою Тэмуджина
В далекий унгиратский легион.

Там ждет его невеста, как долина
Ждет своего весеннего ручья,
Их породнит грядущая година.

И дочь вождя, чья юная семья
Даст новый корень роду Есугэя,
Была обручена, свой взор струя.

Звалась Бортэ. И, от любви немея,
Отец оставил сына во степях,
Завет мужской над ним свершить умея.

Но на обратном вился в их шатрах
Дух злой судьбы. Татары, вражье племя,
С улыбкой скрыли яд в своих дарах.

И Есугэй, вкусив чужое бремя,
Почуял холод, что пронзил нутро,
И понял – истекает его время.

Он сыну завещал свое добро,
Свой дух и месть, что будет всех дороже:
«Пусть враг заплатит кровью за хитро!»

И умер он. И расколось ложе
Его улуса. Прежний их союз
Порвали тайчиуты, вздев на вожжи

Своих коней, предательства искус.
Покинули они вдовца и сирот,
Надев на сострадание свой гнус.

И Оэлун, чей род был горд и плодовит,
Рванулась с бунчуком, сзывая стан,
Но каждый воин был как мертвый дрот.

Ее отчаянья безбрежный океан
Лишь эхом бился о сердца глухие.
Так начался их путь изгнанья, ран.

Песнь пятая: ВОЛЧОНОК В КОЛОДЕ

И двинулись они вослед стихии,
В мир, где лишь голод был проводником,
Вкушая травы горькие, сухие.

Делила мать свой каждый мелкий ком
Еды меж всеми, в сердце ж Тэмуджина,
Чей взор горел холодным огоньком,

Росла иная, твердая пружина.
Он, старший сын, не мог делить почет
С другим, пусть тот и братская дружина.

То был Бектер, брат сводный, вел свой счет
Обидам, рыбу взяв без разрешенья,
И жаворонка, сбив его в полет.

И Тэмуджин, не зная сожаленья,
Сказал Хасару, верному стрелку:
«Нет в нашей доле места для деленья!»

И две стрелы, подобно ветерку,
Пронзили плоть. Один – сжимавший лук,

Другой – убитого брат, Бельгутей, – к виску

Прижал ладонь, замкнув страданий круг.
Бектер упал. И кровь его впиталась
В тот самый луг, где он искал досуг.

Но тайчиутов месть уже подкралась,
Вождя боялись юного они.
Их конница на стойбище ворвалась.

И схвачен Тэмуджин был он в те дни
И заточен в колоду, что из древа
Сжимала шею, как капкан в тени.

Но воля в нем росла из злого сева
Уничженья. В праздник, в пьяный час,
Когда ослабла стража у напева,

Он в реку канул, что его спасла,
И просидел в воде до тьмы кромешной,
Колодка на плаву его несла.

И там его увидел друг сердешный,
Сорган-Шира, простой работник, тот,
Кто не был знатен славою потешной,

Но видел в мальчике иной породы плот.
Он не предал, а дал ему укрыться,
Сказав: «Беги от всех мирских забот!»

И спрятал беглеца в своей вознице,
Под ворохом овечьей шерсти там,
Где не искала стража-колесница.

Так он вернулся к жизни и к годам,
Чтоб отомстить за слезы, боль и муки,
И вознестись к божественным верхам.

Песнь шестая: невеста и доха

С тех пор, как он сбежал из злой колоды,
Минуло время, закалив его,
Он стал вождем своей скудной породы.

И вспомнил он отцовское добро —
Невесту, что ждала его в селеньях
Унгиратов, где не было хитро,

А был закон степных долготерпеньях.
И он отправился забрать свою жену,
Преодолев сомненья и волненья.

Бортэ, что отдана была ему,
Встречала мужа с мудростью глубокой,
И красотой, похожей на луну.

А в дар дала, по степи синеокой,
Роскошный мех – соболью доху,
Чтоб стал он данью чести и порукой.

И Тэмуджин, подобно пастуху,
Что ищет пастбища, искал союза,
И вот он встретил юношу, в скаку

Чей конь был равен. Гордая обуза
Украденных коней свела их вместе,
И стала дружба им святою уздой.

То был Боорчу. Встал на перекрестье
Судьбы, сказав: «Нукер я буду твой!»
И с той поры служил без всякой лести.

И с ним поехал юный наш герой
К Тоорил-хану, кераитов вождю,
Что был отцу его как брат родной.

«Прими мой дар, – сказал он, – я не жду
Богатств, но лишь союза, что был начат
Отцом моим в былую череду».

Хан принял доху: «Пусть твой конь поскачет
Ко мне, коль враг нагрянет. Буду рад
Вернуть твой род, что от беды заплачет».

Но радость их была как снегопад
Весной – недолгой. Меркиты, тая
Обиду за Оэлун, как горький яд,

Напали ночью, копьями блистая,

И в суматохе, в криках, в злой борьбе
Умчали прочь Бортэ, в степи растая.

Песнь седьмая: год Петуха

А Тэмуджин, и вверяясь злой судьбе,
Познал всю горечь, что бывает в мире,
И ярость закипела в нем, в мольбе

И к небу обращенная. На пире
Врагов его жена была рабой.
И он собрал всю волю в этом тире

Времен, чтоб сокрушительный задать им бой.
Он мчался к Тоорил-хану, умоляя
Припомнить клятву, данную с мольбой.

Потом – к анде, в душе моля,
К Джамухе, направил свой поход,
Чье имя степь лелеяла, хваля.

А был анда красив и горд. И в свой черед
Он стал бы ханом всех, в нем кровь играла,
И речь его была как сладкий мед.

Он брата выслушал, и мышц играла
Скала под шелком. «Брат, твоя беда —

Моя беда. Нас дружба побратала.

Я выведу войска, и мы тогда
Сотрем меркитов с лика мирозданья!»
Так три вождя сказали року: «Да».

В год Петуха, чей крик был как воззванье,
(То был сто восемьдесят первый год),
Сошлись войска для общего заданья.

Вот строится союзный, грозный взвод:
Хан Тоорил, вдали седой и важный,
Джамухи войско – знати всей оплот,

И Тэмуджина полк: худой, отважный,
Где каждый воин был как брат ему.
Здесь Субэдэй, малой, бесстрашный,

Чей ум был остр, решил свою судьбу,
Примкнув к нему. И армия стояла,
Как три стрелы, готовые во тьму

Вонзиться. Напротив бушевала
Орда меркитов – пьяный, дикий стан,
Что о победе легкой ликовала.

И грянул бой. А воздух стрел был пьян.
Хасар разил без промаха из лука,
Джэбэ-стрела пронзал врагов туман.

То была бойня, а не рать-наука.
Клинки рубили с плеч, и хрип, и стон
Смешались в вой, где смерть была порука.

И Тэмуджин, крича: «Бортэ!», как сон
Прорвавшись вглубь, искал ее в кибитках,
Где плач стоял со всех иных сторон.

И он нашел ее в кровавых слитках
Зари, живую, и помчался прочь,
В победных и восторженных избытках.

Так кончилась та гибельная ночь.
И слава Тэмуджина вознеслась,
И воин каждый, то спешил ему помочь,

Ведь в нем удача с волей обнялась.

Песнь восьмая: два пути

Посля победы, что вернула честь,
Две анды, Тэмуджин с его Джамухой,
Вели свои улусы, и не счесть

Прошло ночей, где братским, теплым духом
Делились у костра они вдвоем,
И слава их летела к новым слухам.

Но к Тэмуджину с каждым новым днем,
Стекался люд, простой и безымянный,
Влеком его удачливым огнем.

Анда же видел, лидер осиянный,
Джамуха, как его тускнеет свет,
И в сердце ревность, гость его незванный,

Вплетала в дружбу свой холодный след.
И вот однажды, на закате алом,
Держали два вождя степной совет.

Джамуха молвил, с царственным запалом,
«О, брат мой, день в пути нас утомил,
Давай же встанем лагерем, навалом,

У гор, где трав для пастухов обилье,
Где для овец покой и благодать».
Так говорил он, баем был по силе.

Но Тэмуджин, кому была как мать
Забота о простом народе, конном,
Ответил так, чтоб суть свою подать:

«Ты прав, анда мой, в слове благосклонном,
Но я к реке направлю свой народ,
Чтоб дать приют нукерам и коням.

Для конюхов там шире небосвод».
Сказал. И в тишине, что их объяла,
Замерзла дружба, кончив свой черед.

Джамуха встал. В нем гордость заиграла.
«Что ж, слово сказано, и нет ему цены.
Тебе – река, а мне – у гор начало».

И врозь пошли их кочевые сны.
Один – к горам, с аристократов знатью,
Другой – к реке, где все были равны.

И я Медет, пишу об этом с болью,

О том, как трещина прошла меж двух сердец,
Чтоб стать потом кровавой, смертной ролью.

Так, братству их в тот день настал конец.

Песнь девятая:

хан и котлы

И вновь пропел свой гимн тот земляной Петух,
То был сто восемьдесят девятый год,
Когда окреп в степи единый дух.

И Тэмуджину преданный народ,
Аристократы, что узрели в нем
Судьбы грядущей ясный небосвод,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.